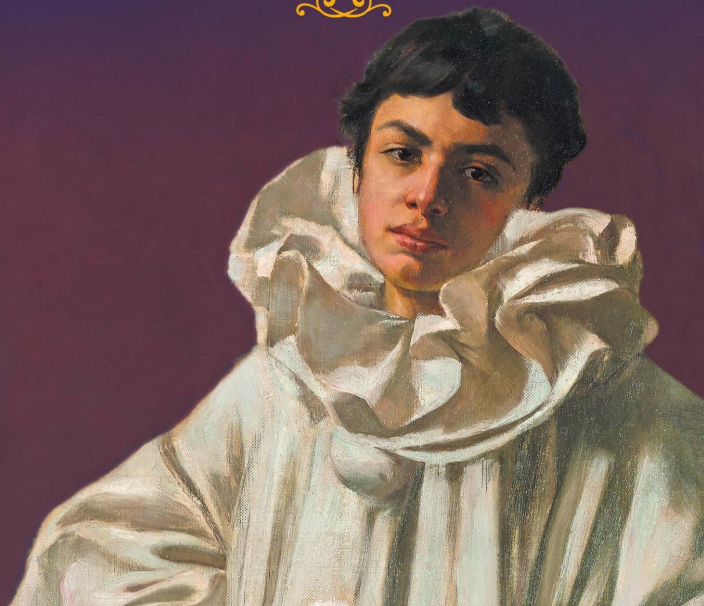

Духовная проза

Сергей Ильичев

БЕЛЫЙ КЛОУН В ЧЁРНОЙ МАНТИИ

Сергей Ильич Ильичев
Белый клоун в чёрной мантии
Серия «Духовная проза (Вече)»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59190599
Белый клоун в чёрной мантии. Роман: Вече; Москва; 2020
ISBN 978-5-4484-8367-7

Аннотация

Случай на фронте Великой Отечественной войны сводит выпускника циркового училища Максима Суворина с игуменом Георгием – настоятелем сибирского монастыря в Иркутской области. И вот уже вся жизнь Суворина неожиданно и кардинально изменяется. Клоун, которого умирающий игумен благословляет облачиться в черную рясу, неожиданно открывает в себе необычные способности и даже участвует в возвращении на родину иконы Пресвятой Богородицы «Казанская».

Содержание

Часть первая. Чужой крест	5
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Сергей Ильич Ильичев

Белый клоун в чёрной мантии

Роман

Сколько помню, люди всегда приходили в цирк именно на клоунов. Эти «взрослые дети» – барометры нашей жизни. По ним сверяют свое ощущение времени, свою совесть и чистоту сердца, наконец...

Часть первая. Чужой крест

1988 год. Север Франции. Побережье пролива Ла-Манш. На крутом берегу, омываемом седыми волнами, высится красавица часовня, построенная в русском стиле, и небольшой бревенчатый дом с гульбищем на втором этаже.

Старая женщина и сопровождающий ее пожилой мужчина, что в сей час подъехали на машине к самому дому, уже дошли до часовни и, перекрестившись, перешагнули через ее порог.

Из алтаря навстречу им вышел еще крепкий, хотя и совершенно седой, старик монах-схимник.

Мужчина и женщина склоняют свои головы под его благословение. И только после этого он принимает их в свои объятия.

– Родные мои...

– Как же мы по тебе соскучились, отец, – сказал мужчина.

Они обнялись.

Монах внимательно смотрел на женщину. Увидел ее красивое лицо, уже окутанное морщинками, и все так же влюбленные в него глаза. Глаза, полные слез, которые от радости встречи переливались через край и тихо скатывались по предательским морщинкам ее памяти нежными ручейками, старавшимися сгладить эти самые морщинки пред лицом того, кого она любила всю свою жизнь.

– Какими судьбами? – спросил он женщину.

– На днях нас пригласили в посольство. Тебя зовут в Россию на празднование тысячелетия Крещения Руси. Мы привезли официальное приглашение от советского правительства и Русской Православной Церкви. По секрету просили сообщить, что тебя ждет высокая награда...

– Бог с ней, с этой наградой. Главное, что Православная Церковь сумела выстоять и «врата ада не одолели ее». И вот она уже сама распрямляет свои могучие плечи.

– Кстати, отец, – вступил в разговор мужчина. – Церкви стали возвращать верующим. Открываются монастыри. Может быть, и ты вернешься к родному очагу?

– На все воля Божья, родные мои. И когда надо выезжать?

– Если с заездом домой, в Париж, то дня через два... И вот что еще. Я думаю, – продолжала женщина, – тебе по такому случаю и для участия в праздничных мероприятиях необходимо срочно пошить новое облачение...

– Я подумаю об этом... А теперь давайте помолимся, возблагодарив Творца за предоставленное нам счастье этой встречи.

После молебна была прогулка по побережью. Потом скромный ужин в кругу семьи, долгая беседа у камина и длинная, бессонная ночь, в течение которой он вспоминал свою жизнь...

И первое, что отчетливо обозначилось в его памяти, была одна нечаянная встреча на железнодорожном полустанке

Красивый...

Это было в марте 1965 года в Иркутской области, на железнодорожном полустанке Красивый. Третий состав в этот день экстренно тормозил на этом небольшом полустанке в глубине Сибири. Это было своего рода уже чрезвычайным происшествием, а если точнее, то тянуло и на должностное преступление.

Но кабинет начальника полустанка, того самого, кто тормозил эти составы, был пуст. И никто из его помощников не осмеливался прикасаться к рыкающим телефонным аппаратам, а тем более подставляться под их тревожные трели, что, словно автоматными очередями, вразнобой молотили по стенам оставленного хозяином кабинета.

Видно, кто-то там, наверху, очень хотел получить из первых рук хоть какую-нибудь путную и объективную информацию о том, что же все-таки происходит на вверенных им путях и на этом Богом забытом полустанке.

А все дело-то в том, что прошедший войну и чудом вернувшийся живым, сменивший на посту начальника станции своего же отца – и сам уже всю свою жизнь отдавший железной дороге и этой станции – ее начальник Степан Минин – вихрем проносился по вагонам, одним лишь своим видом распугивая, словно куриц, уже устроившихся в ночь на на-сесте, вагонных проводниц.

Нет, не подумайте ничего худого. Степан был трезв как

стеклышко. Хотя дежурный милиционер сначала и попытался было проформы ради притормозить старого друга и отвести от беды, а потом лишь махнул на него рукой, понимая, что лучше не лезть под горячую руку бывшего фронтовика. И сидел тихо на привокзальной скамье, предварительно смахнув с нее снег...

Однако в самих вагонах не все были так благодушны и спокойно настроены. Не имея никакой вразумительной информации о причинах остановки поезда, люди вели себя по-разному. Кто-то, обладая силой и властью, попытался было взять Степана за грудки и даже выкинуть из поезда. Другой пообещал пожаловаться на такое самоуправство начальника местной станции аж самому министру путей сообщения. А третий был сбит с ног уже Степаном, когда тот попытался размахивать перед ним своим табельным оружием...

Рядовой Минин совершал сейчас, пожалуй, свой последний в жизни рейд по тылам уже родного Отечества...

Он искал в этих милых его сердцу и ставших родными поездах... хоть какого-нибудь, но живого попа. Искал его так, как, пожалуй, лишь в молодости, когда на фронте отправлялся в тыл добывать очередного вражеского языка...

Задача, поставленная сегодня перед ним, была не из легких. В конце 60-х годов найти священника в Сибири, да еще в проходящем поезде, было подобно чуду.

И если бы только не сестра, что лежала сейчас при смерти и которая вдруг захотела исповедоваться...

Когда Степан красным сигналом светофора перекрыл дорогу и литерному составу, то уже и сам понимал, что только за одно это он точно пойдет под суд...

Степан знал, понимал, что это был последний поезд, который следовал сегодня через его полустанок. А вот дотянут ли сестра до завтрашнего дня?

Из областного центра к полустанку уже стягивались машины с нарядами милиции и скорой помощи. К переезду, где по непонятным причинам задерживали пассажирские поезда, на всякий случай выслали и пожарные бригады. Никто еще толком не ведал, что же происходит на этом, казалось бы, всегда спокойном переезде...

В спальном вагоне, по ступенькам которого поднимался Минин, его встретил сам начальник поезда.

– Ты, что ль, поезд держишь? Не видишь – литерный? Так очки надень! – зло рявкнул он идущему навстречу Степану. – Мы и так из графика выбиваемся...

– Ты лучше скажи мне, мил человек, не едет ли в вашем поезде какой-либо священнослужитель?

– Так это ты из-за попа... целый состав тормознул? – уже с негодованием произнес он и вытащил свисток, чтобы призвать на помощь стоявшего рядом милиционера.

– Тебя человек по-хорошему спросил, есть ли в твоём поезде поп? – проявляя солидарность и ставя начальника поезда на место, мягко, но твердо сказал милиционер.

– Всякое на своем веку повидал, но чтобы таких... Ну, ничего, оба у меня под суд пойдете...

– Так видел или нет? – повторил свой вопрос Степан.

– В седьмом спальном видел одного в черном балахоне и с бородой...

– Так бы сразу и сказал, папаша, а то мы время тут с тобой только теряем, – бросил в ответ Степан и устремился к седьмому вагону...

– Тамбовский волк тебе папаша! – уже более в пустоту, а может, для поддержания имиджа перед высунувшимися из купе пассажирами кричал им вдогонку начальник состава...

Архиепископ Владивостокский и Приморский Георгий стоял на вечернем молитвенном правиле, когда в дверь его купе осторожно постучались. Он отложил молитвослов и встал с колен, чтобы открыть дверь.

Первое, что он увидел, были распахнутые счастливые глаза Степана. Уже не молодой мужик своим любящим сердцем в этот момент понял, что свой последний бой, что бы там потом ни случилось, он уже выиграл. И что ему сегодня будет не стыдно перед сестрой, чью последнюю волю он исполнил.

В то же самое время соприкосновение с человеком в монашеском облачении было для него неожиданным. Уж не сон ли это? И тут наш боец даже немного оробел...

Видя на лице мужика всю эту гамму переживаний, архипастырь улыбнулся и ласково сказал:

– Слушаю тебя, радость моя!

– Отец – поп, уж извините меня, что не ведаю, как вас звать и величать... Сестра родная умирает, исповедоваться хочет. А за сотни километров нет ни одной действующей церкви. Христом Богом прошу, не откажите...

– О чем вы говорите, конечно же... Только дайте мне несколько минут на сборы...

И замер вдруг в нерешительности.

– А как же поезд? Мне же в назначенное время следует в Москве быть...

– За поезд, отец, не беспокойтесь, – твердо и спокойно заверил его Степан. – Пока вас обратно в вагон не посажу, состав не тронется. Собирайтесь, пожалуйста...

И уже через несколько минут провожаемые любопытными взглядами разбуженных пассажиров архиепископ и начальник станции Степан Минин шли через железнодорожные пути к дому начальника станции, где их ждала его родная и младшая сестра Зоя...

Начальник поезда, как и все пассажиры его вагона, глядели им вслед.

– Заваривай чай, Настя... – грустно сказал он стоявшей рядом проводнице. – Это на час потянет, не меньше. Чует мое сердце, что мне до пенсии не дотянуть... – и расстегнул китель, стягивающий горло, пересохшее от волнения.

– Может, чего покрепче, для спокойствия и от нервов? –

не суетливо, а скорее заботливо и доверительно предложила женщина, всматриваясь в глаза своего начальника.

– Нет, тут нужно быть трезвым как стеклышко. А может быть, ты меня, Настя, свяжешь? А что? – рассуждал он уже вслух. – Ворвались, связали. Вроде как и не виноват я вовсе, а? – и уже о чем-то задумался, продолжая глядеть в окно.

– Так вязать, что ль? – выводя его из этой задумчивости и с решительной готовностью отозвалась боевая подруга, уже вытаскивая из комода моток бельевой веревки.

– Да погоди ты, дай хоть чаю сначала выпить...

Дом начальника станции ничем не отличался от других типовых построек тех времен. Дом как дом. И мебель как мебель, что по разнарядке тех лет досталась Степану как победителю социалистического соревнования.

Единственно, что у мужика не было в этой послевоенной, уже вроде бы налаженной жизни, так это родной и желанной половины. Жены, а значит, и детишек. Что-то на войне прострелили, что-то уже сам в окопах застудил...

И когда врачи предупредили, что он не сможет иметь детей, то побоялся и бабу в дом брать, потому что без чадорождения нормальная здоровая женщина запросто с катушек может сойти...

А потому всего себя без остатка посвятил работе... равно как и батяня, что всю войну гонял составы с грузом без выходных и отпусков, за что и был удостоен звания Героя Со-

ветского Союза в самом конце войны.

Степан же вернулся домой в начале 1944 года после ранения. Оно у него было уже третье.

Отец тогда вспоминал, как вел состав на Москву и где-то на половине пути, сидя у окошка вагонного, подумал о сыне...

А тут мимо пассажирский состав идет. Поднял отец глаза, и будто бы видится ему в окошке, даже не в окошке, а в оттаянном от дыхания просвете размером чуть более блюдца вроде как лик родного сына.

Полегчало на душе от этого видения. Принял он это как добрый знак. И коммунист, даже не считая нужным скрывать что-либо, перекрестился с мыслью, что обязательно расскажет об этом своем видении жене.

Прошло две недели, как он вновь оказался у родного очага. Жена открыла дверь, а он с порога от радости возьми да и крикни:

– Мать, а ведь я сына нашего живым видел, вот тебе Бог! – и размашисто перекрестился. – Может быть, еще и вернется наш Степан домой целым и невредимым...

А жена улыбнулась и кротко ответила:

– Ты бы не кричал так, а то ведь разбудишь его... Уж какой день, как мы тебя дождаемся, стол так и не накрывали по случаю его возвращения...

– Что же ты молчишь-то, ладушка моя любимая...

И опустил перед ней на колени. Руки ей целует и гово-

рит:

– Это все ты! По твоим непрерывным молитвам сынок наш домой живым вернулся. Слава Тебе, Господи! Созывай, жена, родню и товарищей по работе. По такому случаю сегодня не грех и рюмочку пропустить...

...Мать Степана звали Ладой. Отец взял ее девчонкой, да к тому же еще и тайком, из старообрядческого села, но, даже будучи впоследствии убежденным партийцем, позволял молиться по заведенному у них родовому порядку.

Она умерла на следующий день после объявления Победы. Видно, держалась уже из последних сил, вымаливая жизнь родным и близким, соседским парням, что учились со Степаном в одном классе и ушли с ним в один день на войну.

И поверите или нет, но ни одна похоронка не коснулась небольшого таежного полустанка, ни одной слезы не было пролито с горя. Только слезы радости от нашей Победы и возвращения любимых. С той поры все бабы с особым доверием стали относиться к Ладе, чувствуя огромную силу ее духа, отдавая долг уважения Тому, Кто внимал ее молитвам. А уж кто с молоком матери впитал в себя любовь к Спасителю, так это ее последыш – дочка Зоя, не отходившая от матери ни на шаг, также подолгу стоявшая рядом с ней на молитве и, как поговаривали соседи, имевшая некий дар видения... По крайней мере, каждому, кто приходил к Зое с просьбой о поиске какой-либо пропажи, девочка сразу же и

безошибочно говорила, где следует эту вещь поискать; там ее и находили.

После смерти матери отец совершил тогда одну большую ошибку, когда согласился отдать девочку в цирк, и она покинула родной дом. Сразу же после смерти отца Степан пытался разыскать свою сестру. Но тщетно. Ее следы затерялись в больших городах на многие годы. И когда она, больная, два года назад сама неожиданно вернулась домой, то старший брат уже не отходил от ее кровати ни на шаг, вложив в уход за ней всю свою нерастрченную любовь.

Степан уже распахнул двери своего крепкого дома перед человеком в черном облачении и сначала впустил его, а уже сам вошел вслед. В кухне первое, что бросилось в глаза монаху, была огромная русская печь. Топили, видно, с утра, и теплый, душистый воздух в мгновение ока объял, подхватил и уже не отпускал владыку Георгия.

Степан показал ему, где висел рукомойник и можно было вымыть руки, а сам подошел к кровати, на которой лежала сестра.

– Солнышко мое, проснись! Ты меня слышишь?

Зоя открыла глаза. Улыбка слегка тронула ее сухие, слегка потрескавшиеся губы.

– А я тебе батюшку привел... Нашел! Не поверишь, три поезда остановил, а нашел-таки...

– Спасибо тебе, родной... Пусти его ко мне, не удержи-

вай...

Оставив архиепископа возле кровати с сестрой, Степан вышел на кухню с одной лишь думой: а что, как арестуют, кто будет ухаживать за сестрой?

Склонившись над лежавшей в кровати молодой еще женщиной, Георгий не сразу узнал в ней ту девочку, с которой свела его судьба почти двадцать лет назад.

А Зоя, уже в свою очередь, лишь увидев эти полные любви глаза склонившегося над ней человека в черной рясе, не могла не вспомнить монаха, единственный раз встретившегося ей в годы войны, когда они работали в помещении Иркутского цирка.

Виделись-то всего несколько минут, а влюбилась в него тогда на всю жизнь, деля потом свою любовь только между ним и... Господом.

– Слушаю тебя, дочь моя. В чем бы ты хотела исповедоваться Господу?

А вместо ответа на глазах уставшей и, видимо, тяжелобольной молодой женщины навернулись слезы. Увидевшие свет, слезинки ожили и заискрились ярчайшими фрагментами жизни той, которая, чувствуя, что уже умирает, сумела-таки набраться мужества и заставила себя стряхнуть всю пыль с залежалой книги своей памяти. Зоя мысленно уже давно перелистывала ее страницы, а теперь хотела успеть сделать главное – разом покаяться уже перед Самим Твор-

цом за всю свою жизнь. И за то, что могла, да не сделала. И за то, что хотела бы сделать, но по лености не успела. А важнее всего в том, в чем и не хотела, но по слабости человеческой все-таки согрешала...

Зоя исповедовалась, а получалось так, что рассказывала в основном о своей жизни. Небольшого росточка и чрезвычайно гибкая девочка с детства участвовала в спортивных праздниках. Модные в те времена пирамиды, выстраиваемые на сцене их клуба из живых людей, могли легко видоизменяться в зависимости от характера праздников. Это были и летящие в небе самолеты с работающими пропеллерами, и первые тракторы, собирающие урожай. Зоя, как самая легкая, почти всегда была на верхушке этих «живых» пирамид.

И вот однажды, как манна небесная, в отстроенный поселковый клуб приехала труппа цирка на сцене. Их приезда ждали, как праздника. Да вот беда, в дороге заболела одна из артисток, и несколько номеров были под угрозой срыва... Тогда-то и вспомнили о Зое, которая легко вошла в программу, словно бы всю жизнь только этим и занималась.

А уже после триумфа сам директор цирка Маргомакс расписывал отцу Зои перспективы, которые могут ждать деревенскую девочку в большом городе, да еще и с ее способностями. И уговорил-таки...

Это терпение и кротость юной артистки цирка, как и ее способности заранее предвидеть ход развития того или иного события, уже позже стали причиной ее собственной беды.

Однажды Зоя попыталась выручить хозяина цирка, запутавшегося в карточных долгах, и ее забрали как часть того самого долга люди вора в законе по кличке Примус. И пятнадцатилетняя девочка оказалась в одном доме с профессиональными ворами и насильниками. Что уж она тогда испытала, мы пересказывать не станем, но одно запомнила на всю жизнь, как некий «черный монах» спас ее из рук ненавистных ей людей...

Вот этот-то монах и заполнил с той поры ее любящее сердце. Точнее сказать, ее половинку, так как вторую, и главную, она с самого детства отдала Богу.

Слушая ее исповедь, владыка Георгий понял, что все эти годы девочка любила именно его. И возможно, что в какой-то момент от отчаяния перегорела в ней незримая ниточка, связывающая ее с Престолом Господним. Или же в какой-то сиюминутный предательский миг она не поверила в то, что Творец искренне желает ей счастья, а от нее самой требовалось тогда всего лишь еще одно усилие.

Только Зоя решила сама смирить себя тяжелым обетом и надломилась, когда в молитвенном усердии попыталась, равно как мать, молиться за весь мир, взваливая на свои хрупкие плечи чужие и часто неподъемные грехи...

Но и в этом ее усердии Господь не оставлял бы свое любимое чадо и дал бы ей необходимые для этого силы, если бы...

...Если бы, вставая каждый раз на молитву, Зоя не начинала свои прошения пред Творцом именно с этого неизвест-

ного, но полюбившегося ей монаха.

Но даже и это не самое страшное. Искренняя молитва еще никому не навредила.

Возможно, размышлял уже сам Георгий, во время своих молитв, всего лишь на краткий миг, она в изнеможении души и тела попускала набегаящим волнам страстей увлекать воспоминаниями их встречи.

– Господи, прости меня, грешную...

Она повторяла эти сладкие слова и плакала, но уже от радости. После искреннего раскаяния тяжесть утаиваемого ею все эти годы греховного помысла куда-то отступила. Лицо засветилось радостью, на щеках выступил румянец от обретения свободы. Той свободы, что называется христианской любовью...

И лик Зои буквально преображался у него на глазах. Монах вновь увидел перед собой ту пятнадцатилетнюю девочку из сибирского цирка.

Георгий с нежностью глядел на улыбающуюся Зою, что, подобно весеннему подснежнику, высвободилась наконец-то из-под мертвой корки льда и распустилась, наполняя все вокруг звоном своих белоснежных цветков-колокольчиков и удивительным благоуханием. И в слезах искренней радости истекала небесной росой умиления, потому что поняла вдруг простую истину – ее молитвы услышаны, и она снова видит перед собой того, которого так нежно и чисто любила всю свою короткую, но яркую жизнь.

– Прости меня, отче, Христа ради! – тихо сказала она.

– Бог простит! Прости и ты меня... – ответил Георгий и улыбнулся ей уже как нежный и любящий брат, что после долгих лет разлуки неожиданно обрел свою родную и любимую сестру.

Вот она, оказывается, какая – Нечаянная Радость!

Он успел дать отпущение ее грехов и причастил Святыми Дарами, когда вдруг нещадно стали барабанить в дверь.

Степан пошел открывать.

Монах, убирая молитвослов, в какой-то момент почувствовал, что поторопился.

И вновь, склонившись над Зоей, понял, что воспарившая и прощенная Самим Господом ее счастливая душа уже устремилась к Творцу...

И еще какое-то время прибывшие милицейские чины не смели войти в комнату, где звучали молитвы на исход ее души из тела...

Покидая дом начальника станции и возвращаясь в поезд, архиепископ Георгий понимал, что пронесет и далее через всю свою жизнь память об этом неземном человеке. И пока будет биться его любящее сердце, он постарается не забывать и молиться об упокоении этой удивительной души.

Задержанный поезд покинул полустанок уже на рассвете. Все, кроме машиниста, в ту ночь крепко спали и не заметили, как после сцепки поезд стал быстро набирать скорость...

Так быстро, что еще минута, и он сам уже вознесся в небе-

са.

Степана арестовали, и на похоронах сестры его не было. Весь обряд погребения взяли на себя женщины как знак благодарности и Зое, и ее матери, память о которой еще хранили их сердца.

Он почти неделю просидел в КПЗ, пока его не привезли к прокурору района. И вот почему. Следствие так и не смогло вразумительно доказать его вину. Ни одной жалобы от кого-либо из пассажиров не поступило. Но даже не это удивило и заставило задуматься начальство разной значимости, как на местах, так и в самой Москве. Хотите – верьте, а хотите – нет, но ни один из задержанных в тот день Степаном поездов не только не опоздал, а все прибыли в Москву согласно расписанию. Как будто бы и не было той задержки в пути.

А потому районный прокурор, сам бывший фронтовик, не понимал, за какие такие грехи Степана надо было арестовывать, да еще и сажать в камеру на несколько дней.

Кто-то попытался было напомнить о том, что наряд милиции и пожарные машины были отправлены в ночи на вверенный ему полустанок. Но когда стали выяснять, кем и на каком основании были даны эти указания, то никто не смог толком этого вспомнить и вразумительно объяснить.

Этакое мимолетное завихрение в мозгах. А может быть, что-то неопознанное в тот день просто пролетало рядом... Или же это чье-то нездоровое служебное рвение, но не более

того.

И Степан на девятый день поминовения по Зое вернулся в родной дом, где уже были накрыты столы и ждали родные и любимые им с детства люди, жившие с ним по соседству и обладающие удивительной способностью объединяться в минуты опасности или большой беды и жертвовать уже своими жизнями «за други своя»...

А мы с вами, мои дорогие читатели, снова вернемся на берег Франции, ибо та исповедь Зои была тесно переплетена с существенной частью судьбы и самого монаха-схимника, который в ту ночь практически не сомкнул глаз.

Волна воспоминаний, как это бывает, нахлынула внезапно, вновь окунула его с головой в океан памяти, и он медленно погрузился уже во времена собственной юности.

Это был май 1941 года. Москва, комната в общежитии циркового училища, где жили два клоуна – Максим и Ростислав. Оба иногородние. Оба молодые, красивые и талантливые. Вот только Максим был белым клоуном, а Ростислав – рыжим. Максим на манеже созидал, а Ростик, как правило, рушил, чем и приводил зрителей в неумный смех.

И еще была одна девушка, что летала, как ангел, под самым куполом цирка, по имени Нелли. Тоже молодая, красивая и сильная. Максим и Ростислав были безумно влюблены в эту воздушную гимнастку.

Почти каждую ночь в тонком сне Максим поднимался по лесенке на небо и собирал там для любимой девушки сияющие звезды. А она, на трапеции летая вокруг него, весело и звонко смеялась...

Вот он подает ей свою руку и увлекает за собой в небо. Так высоко, что земля уже казалась им крохотным разноцветным шариком в ореоле сияния венчика из ночных звезд.

А они поднимались все выше. К светочу! Туда, где можно было качаться на райских белоснежных облаках и есть любимое мороженое...

– Суворин, Максимушка, просыпайся...

Максим открыл глаза и увидел тетю Олю – вахтершу циркового училища, стоявшую у изголовья его кровати.

– Сынок, тебя к телефону... Поторопись, а то пока я к тебе поднималась. Да и поднимай потом всех. Через час построение праздничной колонны... А то мне, как той черепахе Тортиле, не успеть обойти сегодня ваши комнаты... Ноги что-то плохо гнутся...

И уже к Ростиславу:

– А тебе, барин, что, нужно особое приглашение?

Ростик лишь пробурчал в ответ что-то невразумительное и перевернулся на другой бок.

Максим успел. И взяв в руки трубку, услышал:

– Максим? У меня для вас есть новости от ваших родных.

И еще, они просили передать через вас одну посылку...

– Но мы сегодня участвуем в параде на праздничной де-

монстрации... – начал было Максим.

– Мой поезд на Брест отходит в четыре часа пополудни. За полчаса до отхода я буду ждать вас у третьего вагона. Вы легко меня узнаете, я буду держать в руках небольшой сверток.

И на том конце повесили трубку.

Через два часа вся страна плечом к плечу прильнула к радиоприемникам и, затаив дыхание, вслушивалась в цифры, звучащие из уст лучших дикторов страны, и искренне гордилась достижениями своей любимой державы.

Во всех домах уже с утра накрыты праздничные столы. Звучат тосты за Родину, за партию и за ее вождя товарища Сталина. А уже чуть позже и за мирное небо над головой...

Словно наседка, оставленная оберегать гнездо, пусть и одиноко, но с рюмочкой любимой наливки в руках сидит в красном уголке циркового общежития тетя Оля, зная, что ее любимые птенчики – Максим и Ростик в числе других артистов цирка изображают сегодня «акул международного империализма, раздувающих мировой военный пожар»...

У ребят уже были успешно сданы экзамены, и через день-другой общежитие на все лето станет строительной площадкой, как это происходит каждый год перед новым набором молодых артистов.

Но сначала наступит 20 июня, и тетя Оля приедет на их итоговое представление. Уже пятнадцать лет как она не про-

пустила ни одного выпускного спектакля. Пятнадцать лет в этот знаменательный день она баловала своих любимчиков пирожками с капустой и с повидлом. И все те же пятнадцать лет она плакала над каждым приходившим письмом, что лети к ней с приветом с самых отдаленных цирковых площадок страны. Дети, пусть и артисты, но все же пока еще дети, не забывали ту, кто щедро делился с ними теплом своего сердца.

До того как она стала тетей Олей, она была цирковой наездницей Ольгой Бекетовой, сводившей своей красотой с ума половину мужского населения Москвы. Но, как это бывает в жизни большинства женщин, безумно влюбилась в бесстрашного, как ей тогда казалось, дрессировщика тигров Вольдемара Аметистова и не раздумывая вышла за него замуж. А вскоре узнала, что он и не Аметистов даже, а всего лишь Тарелкин, да ко всему прочему еще и изменявший ей с ее лучшей подругой. И вот во время очередного представления наступило некое минутное помутнение разума, и она сорвалась с лошади, серьезно покалечив себе ноги.

Всего лишь два года сверкала ее звезда. Два года успеха и аплодисментов. А потом лишь больница и должность вахтера в учебном общежитии. Без мужа, без собственных детей, да еще и с прогрессирующим ожирением...

Спасла ее лишь огромная любовь к жизни да эти дети, что жили и влюблялись в ее общежитии и многим из которых она заменила мать. А вот и они сами уже вваливаются весе-

лой шумной ватагой в двери, складывая в кладовую праздничные транспаранты, красные флаги и театральные костюмы.

Ростислав в этот праздничный день был ответственным дежурным по общежитию и еле успевал принимать от товарищей транспаранты, лишь молча проводив тоскливым взглядом счастливых Нелли и Максима, которые сразу же куда-то убежали...

Киевский вокзал в послеобеденное время, да еще и в праздничный день, отдыхал. Высокий, стройный и спортивного вида уже немолодой мужчина набирал в газетном киоске, практически без разбора, отечественные журналы как за последние, так и за все предыдущие месяцы. Продавщица была рада такому покупателю и даже помогла ему упаковать всю его покупку в опять же просроченные газеты. А в результате получился объемистый сверток, и все были этим довольны.

И пассажир направился к первому перрону, с которого и должен был отходить его поезд на Брест.

Максим и Нелли подъехали к вокзалу на метро. До отхода поезда оставалось еще двадцать минут. И Максим, оставив девушку в начале перрона, сам двинулся в сторону искомого вагона.

Человек, который ему с утра позвонил, уже увидел его, но не сдвинулся с места, а лишь ждал, когда юноша подойдет к

нему сам. В его руках был уже знакомый нам сверток...

– Ну, здравствуй, Максим! – сказал он и протянул для пожатия свою руку. Максим ответил на крепкое пожатие таким же крепким ответным пожатием руки, но незнакомец еще какое-то время не отпуская его ладонь, при этом внимательно всматриваясь в глаза Суворина.

– Извини, но ты очень похож на одного близкого и дорогого для меня человека.

По радио объявили, что посадка на пассажирский поезд Москва – Брест заканчивается и пассажиров просят занять свои места.

– Не в службу, а в дружбу. Здесь на бумажке записан адрес, и если это тебя не затруднит, то сам отнеси пакет по этому адресу.

– И кому я должен передать этот пакет? – спросил Суворин.

– Тому, кто откроет тебе дверь этой квартиры...

– И это все?

– Все...

– Но вы же сказали, что у вас есть для меня какие-то новости о моих родителях...

– Максим, я не мог говорить тебе о родителях, к тому же по телефону, а пообещал сказать о родных для тебя людях...

– И кто же они?

– Те, кто откроют тебе дверь...

– Загадками говорить изволите, милостивый сударь.

– Нет, просто не хочу испортить тебе праздник от этой встречи.

– Тогда я могу идти?

Незнакомец улыбнулся и, прежде чем вошел на подножку вагона, еще раз внимательно посмотрел на Максима и сказал:

– Ангела-хранителя тебе, мой мальчик! – и исчез в глубине вагона.

Поезд медленно тронулся, и к Максиму подошла Нелли.

– Максим, а почему ты не познакомил меня со своим отцом? – спросила она.

– С каким отцом?

– А с кем ты сейчас встречался? Разве это был не твой отец?

И тут Максим замер. А потом какое-то время, словно с помощью замедленной киносъемки, вновь и вновь восстанавливал в памяти весь разговор с незнакомцем. Его лицо, жесты, интонацию. Его улыбку. И эти слова про ангела-хранителя, которые он отчетливо помнил из своего раннего детства.

– Нет, это какое-то совпадение. – Юноша явно занервничал. – Этого просто не может быть...

– Максимушка, что с тобой? Что случилось? – уже встревожилась и сама девушка.

– Молодые люди, у вас все в порядке? – спросил оказавшийся рядом дежуривший по станции милиционер.

– Все в порядке! – сказала и улыбнулась ему в ответ Нелли. – Действительно все в порядке.

И решительно повела Суворина к выходу из вокзала.

– Почему ты решила, что этот человек мой отец? – спросил Максим у Нелли, когда они были уже на улице.

– Это нетрудно было заметить... Вы же похожи как две капли воды... А что он тебе передал?

– Не знаю.

И они вместе стали рассматривать пакет и прочитали адрес.

– Это где-то в Загорске. Ехать нужно с Ярославского вокзала. Поедешь?

– Да, но сначала провожу тебя. А завтра с утра и поеду. Может быть, что-то узнаю там о своих родителях.

Ночью в общежитии Максим все никак не мог заснуть, вновь и вновь вспоминая детали той встречи с незнакомцем на вокзале, и в конце концов, проваливаясь в сон, сам уже не заметил, как начал говорить во сне.

Ростислав приподнялся. И тихо подошел к изголовью друга. Присел на корточки и стал вслушиваться в это бессвязное бормотание, пытаясь понять его смысл. А потом просто растолкал соседа по комнате.

– У тебя что-то случилось, Максим?

Товарищ, еще полностью не проснувшись, доверительно сказал:

– Я не узнал его... Представляешь? Не узнал родного отца! Не почувствовал, что он стоит рядом, что хочет обнять, сказать о чем-то очень важном...

Потом замолчал и, откинув голову на подушку, сразу же крепко уснул.

Ростислав тихо отошел от кровати Суворина. А под утро услышал, как Максим поднялся и тихо ушел из комнаты.

Ростислав нашел Нелли среди выпускников своего курса, которые пришли в общежитие и теперь стояли в очереди для сдачи учебников в библиотеку. И подошел к ней.

– Куда это вы вчера от меня вместе с Максимом убежали?

– У Максима была назначена встреча на Киевском вокзале. Какой-то человек попросил его передать кому-то адресованный пакет. И знаешь, что любопытного во всей этой истории? Этот незнакомец оказался как две капли воды похож на самого Максима. Я тогда даже подумала, а уж не отец ли это Суворина...

– Так он же говорил, что его отец погиб, выполняя важное задание партии и правительства...

– Да, говорил. Но та встреча всего его просто перевернула...

– И где же он теперь?

– Повез переданную ему посылку по какому-то адресу в Загорск.

– К попам, что ль?

– Почему обязательно к попам? И вообще, что так разволновался? – спросила Нелли у Ростислава.

– Он всю ночь бормотал что-то, спать мне не давал. А утром сиганул, ничего не сказав...

– Может быть, все у него еще наладится. А представляешь, как это будет здорово, если у Максима вдруг отыщется живой отец... Настоящий герой, орденноносец, да еще и разведчик... Ну, я пошла, а то моя очередь пройдет.

И девушка нырнула в открытую дверь библиотеки.

На одной из улиц Загорска, в небольшом рубленом домике, из окон которого хорошо были видны купола Троице-Сергиевой лавры, Максима встретила женщина и, посмотрев, кому была адресована привезенная им посылка, положила ее на лавку.

– Ты, сынок, отдохни здесь немного, а мне нужно кое за кем сходить. Располагайся прямо на диване. Окна открыты. Хоть послушаешь, как соловьи поют...

И вышла, оставив его одного.

Максим услышал чудесное пение птиц. Такого пения он действительно еще не слышал в своей жизни. И не заметил, как задремал.

И вновь, как и ранее, стал подниматься по ступенькам на самое небо. Там его встретили два ангела с огромными крыльями и, подхватив, куда-то понесли. Ангелы улыбались;

удивительные люди, более напомилавшие в тот момент образа, что он в детстве видел на стенах храма, в котором располагался спецприемник, приветствовали этот их стремительный и удивительный полет. Но вот они остановились.

Ангелы улыбнулись сидящей в кресле женщине и, выполнив свою часть этого таинственного завораживающего действия, исчезли.

– Здравствуй, радость моя! – заговорила женщина голосом родным и узнаваемым сызмальства. Голосом родной и любимой мамы.

Глаза Максима заискрились блестками от слез воспоминаний.

– Поплачь, сынок. Как бы я хотела, чтобы только слезы радости всю жизнь переполняли тебя. Все житие ваше на земле ныне болезненно и печали исполнено от клеветы и лжи и иных многовидных бед и напастей. А оттого немоществует тело, изнемогает и дух ваш. В самом скором времени буря бед и суровых напастей покроет страну Российскую. Творец и Владыка наш Господь положил во гнев Своем наказать род человеческий огнем, мечом, голодом и болезнями, попустив сие к вашему вразумлению и во спасение многих душ. И тебя самого ждет тяжелое испытание. Однако помни, что всяк недуг и всякую язву душевную и телесную к тебе прибегающих врачевать нужно только с верою и любовью...

И тут Максим открыл глаза.

Первое, что он увидел, была женщина в черном монаше-

ском облачении.

«Неужто и это сон? – подумал он. – Но почему она так похожа на маму?»

– Здравствуй, Максим. Я родная сестра твоей мамы, а зовут меня Марфа, – произнесла она, улыбаясь. – Мы были близняшками. В возрасте двух лет обе тяжело заболели, и родители, боясь потерять нас, привели в дом матушку Анну, что жила монашкой в миру. Старушка, осмотрев нас, сказала, что выжить мы сможем лишь в том случае, если одну из нас посвятят Богу. И родители дали на то свое согласие, отдав меня на попечение матушке Анне, а уже на следующий день после ее прихода и твоя мама пошла на поправку. Да так, что врачи лишь руками разводили. А я с этого времени стала жить в молитвенном уединении. Вначале с матушкой Анной, а по ее отшествии в мир иной, приняв постриг, ушла в монастырь.

– А мама? Где она?

Схимонахиня Марфа молча смотрела на юношу.

– Значит, это она? Это к ней я летал сейчас? И она со мной говорила... – И голос юноши немного задрожал.

Вместо ответа женщина просто улыбнулась. И так тепло стало Максиму от этой ее улыбки, такой радостью повеяло, что хотелось обнять весь мир и кричать о своей любви к нему.

– Я не стану тебе говорить о том, как это произошло. Жалею лишь об одном, что не смогла вовремя оказаться на ее

месте и отдать свою жизнь вместо нее... Вот ведь как бывает в жизни. Я всю свою жизнь просила у Бога дать мне возможность умереть за Него. И как видишь, до сих пор еще живу. А Мария, мама твоя, за эти же годы увидела весь мир, возлюбила всем сердцем твоего отца, дала жизнь тебе и совершила подвиг во имя родного Отечества и Христа ради, мгновенно получив мученический венец от Спасителя... И теперь уже она сама молится за всех нас и за тебя...

– А человек, которого я встретил на вокзале...

– Это твой отец. Рискуя жизнью, он сделал все, чтобы еще раз увидеть тебя, прежде чем снова и уже на многие годы покинет нашу страну.

– Матушка Марфа, а что мне говорила мама о каком-то моем предназначении целить души людей, ведь я же клоун...

– И клоуны, если только есть на то воля Божия, облачаются в черные мантии...

Все то время, что Максим добирался до Москвы, он вспоминал тот сон и разговор с родной тетушкой. И как счастливейший из смертных, что при жизни был вознесен до третьих небес, теперь твердо шагал по родным мостовым, еще не ведая, что скоро и надолго ему придется покинуть свой любимый город.

В Московском цирке на Цветном бульваре с самого утра начинались последние репетиции выпускного спектакля, и,

окунувшись в них с головой, Максим на какое-то время забыл обо всем, что с ним произошло в Загорске.

На вечернее представление выпускного курса пришли почти все артисты цирка. Заглядывая в щелочку занавеса, ребята уже успели увидеть и передать, что в приемной комиссии сидит сам Карандаш – один из любимых и популярных в те годы клоунов.

Максим и Ростислав работали во втором отделении и через несколько минут должны были появиться на сцене в своих созданных и любимых образах: белого и рыжего клоунов.

И вот ведущий представление шпрыхсталмейстер объявляет их имена. Учащенно забилося сердце.

Еще несколько мгновений, и тебя будет знать весь цирковой мир. И если ты сумеешь найти ключик к зрительским сердцам, то на многие годы они станут твоими поклонниками, а ты – их кумиром. Если только найдешь этот самый волшебный ключик, открывающий любовь человеческих сердец...

И вот они с Ростиславом на арене Московского цирка.

Товарищ уже успел несколько раз упасть, пытается встать и снова падает...

И тогда Максим делает то, что они даже не репетировали: он вдруг неожиданно и бережно подает рыжему клоуну свою руку... А тот принимает ее, но и одновременно пропускает свою трость между ног белого клоуна, по сути делая ему подсечку, отчего тот неожиданно падает.

Весь зал замер, понимая, что ему очень больно. Но вот белый клоун, преодолевая боль, улыбается.

А рыжий смеется, хватаясь за живот.

Тогда белый клоун вынимает из внутреннего кармана клоунского пиджака нежный розовый цветок, который вновь с надеждой и любовью протягивает своему другу.

Зал аплодирует.

А рыжий негодует. Реакция зрителей должна быть на его стороне. И тогда он со злостью начинает обрывать нежные лепестки подаренного ему цветка и бросать их на пол манежа.

Белый клоун заплакал. Еще немного, и его любящее сердце не выдержит. И держась одной рукой за сердце, он медленно опускается на колени и протягивает руки, пытаясь собрать оторванные лепестки...

И вдруг на сцену манежа из зрительного зала неожиданно для всех выбегает чей-то ребенок, который старательно начинает помогать собирать рассеянные лепестки и молча передавать их белому клоуну...

Рыжий клоун в замешательстве.

Вот еще один ребенок вслед за первым начинает собирать по арене нежные розовые лепестки.

Зал напряженно следит за развитием этого необычного для цирка тех лет действия.

Видя такое внимание к собрату, рыжий клоун пытается рассеять по залу оставшиеся лепестки, сдувает их и даже

топчет ногами, не дает детям дотянуться до них...

А потом, махнув на все рукой, садится на одно из кресел первого ряда и начинает демонстративно зевать.

И вот на арене не осталось уже ни одного лепестка. Свет софитов выхватывает лишь Максима и детей, стоявших с ним рядом.

Мальчишки передают клоуну последние поднятые ими лепестки. Тот принимает их и, положив ко всем остальным, бережно прижимает ладонь с лепестками к самому сердцу.

А потом в одно мгновение на глазах у детей и всего изумленного зала вытаскивает из-за полы пиджака сотканное из этих лепестков свое большое и любящее, светящееся и трепетно бьющееся сердце...

И зал уже взрывается аплодисментами.

Расстроенная тетя Оля, единственная из всего зала, видит, как Ростислав молча покидает манеж. Он еще раз попытался упасть, но зритель его уже не замечает, потому что в центре манежа начинается настоящее чудо.

На невидимом зрителям и закрепленном на Максиме тресе в луче прожектора мы видим, как белый клоун, поблагодарив и попрощавшись с ребятами, начинает медленно подниматься под купол цирка.

В свете наведенных прожекторов сначала появляется звездное небо, а потом – он, словно небесный ангел, который начинает осыпать частицами своего любящего сердца зрительный зал. И вот из-под купола красиво и медленно в

протянутые руки радостных зрителей и их детей опускаются нежные розовые лепестки...

В этот памятный день сотни человек, заполнивших зал, как бы заново открыли для себя и сам цирк, и этого нового, удивительного клоуна.

Нелли и Максим какое-то время после представления искали Ростислава, но тетя Оля, растроганная до слез, расцеловав Максима, сказала, чтобы они не искали сегодня Ростика, так как он сразу же после своего номера уехал с отцом на служебной машине домой.

Утро 21 июня 1941 года Максим и Нелли встретили в Переделкине. Он с рюкзаком за плечами, а Нелли с легкой сумочкой в руках уже несколько минут как шли вдоль нескончаемого забора владений ее родителей. Но вот и калитка.

Нелли достала свой ключ и приготовилась открыть дверь.

– У тебя есть свой ключ? – поинтересовался Максим.

– Мама как-то обронила, а я подобрала. Через день сделала себе дубликат ключа, а затем помогла маме найти ее ключ...

– Ты, оказывается, еще и авантюристка международного масштаба...

– Если бы все были такими, как ты, то мы могли бы еще всю ночь бродить вдоль этого забора...

– Ну зачем же сразу так. Я ведь могу тебя аккуратно под-

бросить, а далее ты сама сгруппируешься и сделаешь поворот, чтобы затем мягко опуститься на землю...

– Давай!

– Что – давай?

– Ну, подбрасывай же меня...

– Сначала мне нужно самому обследовать обстановку, а вдруг там злые собаки...

– Ты хочешь перепрыгнуть через забор, а меня оставить тут одну на съедение волкам? Хорош кавалер, ничего не скажешь...

– Извини, но я уже совсем запутался... Может быть, просто откроем дверь ключом?

– Нет уж, теперь я принципиально хочу посмотреть на то, как ты будешь делать свою перегруппировку в воздухе и мягко приземляться...

И улыбаясь, уперлась руками в бока.

– Где наша не пропадала, – сказал Максим и снял с себя рюкзак. И не успела Нелли что-либо сказать, как рюкзак очутился на той стороне забора...

– Максим, что ты наделал? Это же не наш участок...

И действительно, с той стороны закрытого участка раздалась трель как минимум двух свистков...

– А кто же здесь живет?

– Я тебе этого раньше не говорила – отец Ростислава.

– Влипли, что называется...

Тут же отворилась дверь и перед ребятами предстал круп-

ный мужчина в генеральских галифе и в подтяжках поверх белой нательной рубахи.

– Нелли? А мы уже и не ждали тебя у нас сегодня.

И посмотрел на Максима.

– А это, я так понимаю, твой Пьеро из сказки о Буратино... Так вы к нам или просто состязались в меткости? – спросил он и подал Максиму его рюкзак...

– Нет, дядя Володя, мы хотели попробовать сгруппироваться в воздухе и, оттолкнувшись от забора, в перевороте мягко опуститься на землю... – робко начала выстраивать свое оправдание Нелли.

– А что? Мысль интересная, и я даже сам готов в этом поучаствовать. Я так понимаю, что прыгать должен был Максим? Ну так куда мне вставать?

– Спиной к забору... – начала Нелли. – Чуть согнуть ноги и подставить Максиму ладони. Ну а когда он сделает разбег и коснется своими ступнями ваших ладоней, то просто слегка подбросить его вверх...

– И все?

– Теоретически да! – ответил Максим.

– Тогда начнем, пожалуй, пока женщины этого не видят.

Дядя Володя встал так, как ему это объяснила Нелли.

Максим пару раз сделал необходимые замеры и, отойдя на три шага, поднял руку, показывая, что он готов к прыжку.

И тут произошло то, что не сразу дошло даже до Нелли, не говоря уже об отце Ростислава.

Максим, начав движение, слегка изменил траекторию, и тут ему показалось, что кто-то подхватил его под руки, и он – а это было хорошо видно со стороны – в парении уже поднимался по стенке забора, как по ступенькам, и в буквальном смысле «взошел» на забор, оставив дядю Володю в недоумении. А затем, более для зрителей, сделал еще и переворот, после чего опустился на противоположной от них стороне. Но тут же появился вновь из дверей соседского участка.

– Это где же вас таких готовят? – с удивлением разглядывая юношу, спросил отец Ростислава. – А мой, что же, тоже может вот так?

Максим не успел ничего ответить, так как отца Ростика позвали к телефону.

Нелли с интересом смотрела на юношу, который в очередной раз ее удивил.

– Отдыхайте тут без меня! – сказал дядя Володя, вернувшись к ребятам. – Меня срочно вызывают в Москву.

– А Ростислав присоединится к нам? – весело спросила его Нелли.

– А он вам не сказал, что сегодня утром улетел самолетом в Сочи?

Максиму даже показалось, что Нелли слегка вспыхнула.

– Ну, это уже вы сами между собой разбирайтесь. Приятного вам отдыха, и передавайте привет отцу, а мне пора собираться... – сказал он и оставил молодых людей одних.

Нелли с Максимом подошли к участку, что стоял прямо с противоположной стороны этой лесной дороги. И уже через несколько минут Максим осматривал ее владения.

– Послушай, но ведь Ростик из Ростова... А ты говоришь, что дядя Володя его отец...

Нелли уже переделалась в легкий, облегающий тело белоснежный костюм, состоящий из блузки и короткой юбки.

– Дядя Володя служил несколько лет в Ростове...

– Выходит, что Ростислав его незаконный сын.

– Выходит. И по сему поводу наш Ростик сильно комплексует.

– А кто же твои родители, если это не секрет? – спросил Максим.

– Если честно, то это действительно секрет. Папа работает на оборонном экспериментальном заводе и что-то делает для нашей армии...

– Больше вопросов не имеется.

– Это ты мне лучше расскажи: что ты делал вчера на манеже? Хорошо, что публика приняла на бис, а то бы ты завалил свой экзамен.

– Ты уже знаешь наши итоговые оценки за мастерство?

– Конечно! Что же не спрашиваешь? Боишься, что своей импровизацией ты подвел товарища? Не переживай, у вас «отлично». Члены комиссии решили, что Ростислав хорошо сыграл роль обиженного клоуна... А Карандаш, кстати, взял твою фамилию себе на заметку...

– Не может быть! – воскликнул Максим и от радости закружил Нелли по огромной террасе... А потом, остановившись, нежно, пусть даже и неумело, чмокнул в щеку. И сам после этого слегка покраснел.

– Да, видно, что на этом фронте у тебя еще не было побед. Тут Нелли сама поцеловала Максима. А он нежно обнял ее и прижал к себе, чтобы уже никогда не отпускать.

После ужина, что был заранее кем-то приготовлен и оставлен для них в холодильнике, Нелли показала ему свою спальню. Полуторная кровать, стол, шкаф, голубой абажур над головой и полная стена книжных полок. А уж книг-то, книг-то сколько...

Пока Максим рассматривал книги, Нелли легла на кровать и теперь задумчиво смотрела на своего любимого клоуна.

– Что-то не так, Максим? – тихо спросила она.

– Все так!

Он подошел к кровати и опустился перед ней на колени. Склонил голову и дождался, когда она коснется своей рукой его волос. Как же он любил этот момент с того самого детства, когда мама, укладывая его в постель, мягко и нежно касалась ладонью его головы.

И тогда он достал из внутреннего кармана своего пиджака нежный бутончик алой розы. Максиму даже показалось, что в этот момент роза словно бы ожила и осмотрелась по

сторонам в поисках того, ради которого она и претерпела все испытания сегодняшнего дня. А когда увидела Нелли, то уже мысленно согласилась, что для такой красавицы не грех посвятить и свою красоту, и саму жизнь.

Нелли поднялась и вышла из спальни, чтобы найти вазу для розы и дать возможность раздеться уже Максиму. Она не торопилась, хотя и сгорала от нетерпения, хорошо понимая, что обратной дороги в их жизни уже быть не может. Только бы не робел ее Пьеро, а то придется всю ночь слушать его песни об их так и не состоявшейся любви.

А Максим, уже понимая, что от него ждут, тревожился не менее юной девушки. Запахи ее комнаты таинственно обволакивали и увлекали, но не в небеса, где он любил парить, а, наоборот, притягивали все его существо к земле. Он мысленно какое-то время попытался бороться с этим, но уже понимал, что земное начало все равно возьмет свое, перемешает их жизненные эликсиры и даст этой субстанции слегка перебродить, а уже потом выплеснется с новой, удесятеренной силой, подобной той, с которой молодой росток пробивает собой толщу асфальтового покрытия.

И он медленно опустился на кровать.

«А теперь, дружок, решай, как ты будешь жить дальше, – словно сам с собой беседовал он. – То, что может произойти в эту ночь, изменит всю твою жизнь. Можно, конечно же, провести ночь любви с самой Клеопатрой и непременно заплатить за это жизнью. А можно попытаться и язычницу

привести к Богу, дав вкусить ей волшебной благодати, и напоить радостью христианской любви в браке».

Нелли легла рядом, ожидая его первого позыва, и уже дрожала от его затянувшегося молчания. Ее молодое и сильное тело хотело лишь одного – отдаться еще более сильному и властному, которому она готова была во всем повиноваться.

Максим взял ее за руку. Она вся горела.

– Нелли, любовь моя. Теперь доверься мне и только смотри...

И юная девушка вдруг увидела себя как бы со стороны и весь путь, что ей предстояло пройти в этой жизни. Нелегкий, как она поняла, путь. Но Максим был в той ее жизни. Она понимала, что ее выбор правильный и то, что она готова пойти за ним хоть на край свет. Что его любовь спасет ее и еще многие другие жизни, так как она успела увидеть краешком глаза, что на границах нашей Родины уже идут жестокие бои и сотнями гибнут молодые и красивые люди...

Не успел Максим осторожно и нежно прикоснуться к ее плоти, как Нелли взорвалась вулканическим извержением. Максим интуитивно укрощал нечаянно разбуженный им кратер, а разливавшаяся сладостным потоком лава вулканической любви девушки тут же орошалась семенами уже неземной любви самого юноши, ставшего сегодня ее первым и настоящим мужем.

Ласки Максима были нежны. Каждое его прикосновение

было подобно глотку небесного нектара, мгновенно утоляющего жажду страсти и не позволяющего превращать великое таинство любви и освященного Творцом начала новой жизни в то, что в современных романах более по инерции все еще продолжают именовать словом «любовь».

Счастливая и словно окрыленная, Нелли вдруг почувствовала, что они снова и уже вместе парят в облаках, сброшенные в эту океаническую высь силою своей любви. Как же они, должно быть, были счастливы, если сумели так чисто и красиво начать свою совместную жизнь...

Они сладко спали, когда ранним воскресным утром их разбудил резкий стук в окно и чей-то тревожный крик:

– Радио, включайте радио! Война...

Они вынуждены были распрощаться. Нелли осталась на даче дожидаться вестей от родителей, а Максим поехал к себе в училище.

По утренней воскресной Москве 22 июня 1941 года сновали троллейбусы и трамваи, а люди, еще не знавшие о начале войны, спешили с детьми в кинотеатры и парки, ехали купаться в Серебряный Бор на Москве-реке.

И вдруг мало кому еще известный тогда голос радиодиктора Левитана заставил слушать себя всю страну...

У одного из радиотрансляторов стояла небольшая группа самых разновозрастных людей. Когда Максим присоединил-

ся к ним, то успел заметить, что их уже объединил общий отпечаток тревоги на лицах, прижатые к груди руки, более напоминающие молитвенное стояние перед внезапно застигнувшей их бедой, и распахнутые, устремленные в небо глаза, в которых читался всего лишь один, но общий для всех вопрос: «Господи! За что нам это наказание?» Вместе с ними стоял и Максим. А первая мысль, которая обожгла сердце, была об отце. Люди еще продолжали стоять и ждать новых сообщений, а Максим уже спешил в общежитие циркового училища, успевая замечать по пути, как мирный город в одно мгновение превращался в развороченный гигантский муравейник.

У входа в общежитие циркового училища Максима успела перехватить тетя Оля:

– Максимушка, постой, сынок. Тебе нельзя туда. С самой ночи какие-то люди перевернули у вас в комнате все вверх дном. Что-то, видно, искали. А один остался дожидаться тебя.

Тут она достала из кармана и передала ему заранее приготовленные деньги, свернутые и перетянутые аптекарской резинкой.

– Беги, родной, может быть, это ошибка, может быть, все еще образует, и если даст Бог, то и увидимся...

И Максим нежно поцеловал ее, понимая, что видит последний раз в жизни. Он был ей искренне благодарен и за

предупреждение об опасности, и за помощь. Вот только откуда исходила эта опасность и куда теперь бежать, если все документы оставались в комнате общежития? Тогда он снова вспомнил про Загорск...

Максим проснулся в доме Марфы. Точнее говоря, его разбудил ранний крик петуха. Он прислушался и услышал тихий шелест страниц да молитвенное призывание Господа на начало всякого благого дела, что творила сестра его матери – схимонахиня Марфа.

А вот и она сама вошла в его половину, предварительно постучавшись. В ее руках был небольшой, по видимости, серебряный крестик на тесемочке.

– Доброе утро, радость моя! Как тебе спалось на монашеском ложе?

– Если честно, то жестковато.

– Через какое-то время ты станешь вспоминать об этой кровати как о царской перине, немец уже на подходе к Звенигороду... И нет пока той силы, что сумеет хотя бы остановить его.

И тут она показала Максиму крестик.

– Это для тебя. Пришло время вверить себя в руки Спасителя и обезопасить саму жизнь Его животворящим крестом. Ты ведь не знаешь даже, что по рождении своем был крещен, а я твоя крестная мама. Вот только не удалось тебя сохранить тогда. Через два года после твоего рождения родителям

предстояло ехать для выполнения важного задания за границу. По одной из версий, ты должен был ехать с ними, но в последний момент что-то там у них не заладилось. И тебя буквально с аэродрома забрали в какой-то закрытый спецприемник. Могу только представить себе, что в этот момент происходило с твоими родителями. Я всего этого не знала. И уже позже по просьбе твоего отца стала наводить о тебе справки. Десять лет переписки увенчались крохотным успехом. Трудности заключались еще и в том, что при оформлении ты был записан под вымышленными именем и фамилией, а также с неточными данными о сроках твоего рождения...

– И как же меня зовут на самом деле?

– Назвали при крещении Георгий. В честь святого великомученика Георгия Победоносца...

Максим невольно улыбнулся.

– Давай я научу тебя креститься.

И взяла в свою руку его ладонь, аккуратно сложила пальчики, а затем мощно и с усилием обозначила ими лоб Максима, его пуповину, а затем правое и левое плечо.

– А теперь перекрестись сам и целуй сей крест. Это крест твоего отца...

Максим повторил крестное знамение и нежно прикоснулся губами к святыне и лишь после этого надел крестик себе на шею, и сразу же невольно, словно сами собой, распрямились плечи.

– Спасибо, матушка, за все, что вы для меня сделали. Постараюсь не забыть...

– А теперь слушай меня внимательно, сынок, – сказала Марфа и взяла с буфета какие-то бумаги. – Слава Богу, что у меня, как у крестной, сохранились твои настоящие метрики и свидетельство о крещении. Паспорт я тебе постараюсь выправить, если сумею, по твоему свидетельству о крещении. А вот с метриками можешь смело идти на фронт, сославшись на потерю паспорта и других документов во время отступления. Так что теперь в твоём военном билете будут уже твои настоящие имя и фамилия...

Максим раскрыл свидетельство о рождении и прочитал свою фамилию:

– Государев. Значит, я – Георгий Государев! Матушка, а откуда берет начало сей род Государевых?

– Это длинная история. Были такие люди на Руси, что испокон веков выполняли лишь волю Божию, оберегая веру и защищая право Государево, которым, в частности, было вменено в обязанность воспитание и государевых детей.

– Мы, выходит, есть с тобой люди рода Государевых... И сколько же нас таких?

– Не знаю, но пока мы в неустанных деяниях и молитвах своих сохраняем Слово и Дело Государево, Русь будет находиться под защитой Покрова Пресвятой Богородицы.

– А как же война?

– Это, сынок, оттого попущено, что некоторым уж боль-

но хочется рай на земле иметь, но только, чтобы без Бога. Веру в Творца они подменили чрезмерно завышенной верой в человека, да вот, видишь, споткнулись, доведя страну до большой беды.

– А люди-то в чем виноваты?

– Не сотворили бы себе кумира, так и жили бы в радости богопознания и христианской любви...

– Это вы про Сталина?

– Все началось еще задолго до него...

– Мы победим в этой войне, матушка?

– Нет! Сами не победим. Духу не хватит. И будем отступать до тех пор, пока не поймем, что без помощи Божьей мы этого врага не одолеем. А вот как откроются храмы, как запоеет вся страна «С нами Бог, разумеете, языцы, и покаряться»... Вот тогда вся рать христианская восстанет нам в помощь, духом окрепнут сердца воинов и за великое счастье будут почитать они саму возможность жизни свои положить на алтарь Отечества и за други своя...

Три года спустя, в январе 1944 года, лейтенанта Георгия Государева с тяжелым ранением в грудь вместе с такими же, как и он, ранеными солдатами везли на санитарной машине до ближайшего госпиталя.

На понтонной переправе уже скопилось несколько машин. Река была неширокая, но с сильным течением. А потому поставили понтоны, так как войска шли в наступление и сейчас

любая задержка в пути была бы крайне нежелательной, а то и просто пагубной...

И надо же было такому случиться, что чей-то штабной виллис при попытке на скорости обойти их санитарную машину развернуло так, что чуть было не выкинуло за ограждение понтона.

Водитель санитарной машины был первым, кто выскочил из своей машины и подбежал, чтобы оказать помощь. Но в ответ услышал:

– Пошел вон!

Рядового дважды упрашивать не пришлось. И он отошел к своей машине.

А из виллиса со стороны водительского места вышел подполковник и внимательно осмотрелся по сторонам. А затем снова сел за руль. Но машина, как он ни старался, уже не заводилась.

И он вынужден был обратиться к водителю санитарной машины.

– Кто у тебя в фургоне?

– Раненых в госпиталь везу.

– Пусть выползают. Нашу машину нужно развернуть и помочь завести мотор.

– Так они почти на ногах не стоят... – начал было водитель.

К ним подошла сопровождающая машину санитарка, девушка лет восемнадцати.

– Это тяжелораненые. Любое неосторожное движение может вызвать непредсказуемые последствия...

– Закрой рот, не видишь, с кем разговариваешь? Чтобы через десять минут все, кто стоит на ногах, вышли и вытолкнули мою машину... А ты, – обратился он к водителю, – приведи тех, кто сидит в машинах за вами... И побыстрее расквашивайтесь...

Санитарка уже залезала в кузов:

– Родненькие мои, там людям помочь нужно. Только кто может, кто сам стоит на ногах и у кого свободна хотя бы одна рука... Пожалуйста, давайте поможем...

И раненые стали вылезать. Георгий оказался рядом с бойцом, что был постарше, но ростом и комплекцией они почти не отличались. Еще что их объединяло – так это одинаковое ранение в область грудной клетки.

«Виллис» уже почти что развернули, но для того, чтобы раненые могли его разогнать, требовалось облегчить машину. И тогда Георгий сказал подполковнику:

– Кто там у тебя в машине, пусть вылезет, иначе мы ее не сдвинем... Сил таких уже нет...

Подполковник вынужден был согласиться и что-то сказал сидящему в машине старшему офицеру, и когда тот стал вылезать, то поскользнулся и упал в снег. В нос шибко ударило спиртным, и все без труда поняли, что генерал-майор сегодня выпивши.

– Слава Богу, что целы. А то не ровен час до беды... –

помогая подняться генералу, начал рассуждать старик – водитель санитарной машины.

– Да пошел ты со своим Богом... учитель херов... – резко ответил ему генерал.

– Так, может быть, мы все сразу же... туда и пойдём? – уже не выдерживая такого отношения, громко и чтобы все слышали сказал лейтенант Государев.

– Разговорчики! – тут же вспылил сопровождающий генерала полковник. – Ишь богадельню развели, праведники. Не знаете, с кем разговариваете? Это нарком... Да ему цены нет...

– Что же вы его тогда спаиваете? – спросил тот неизвестный бородатый солдат, что был рядом с Георгием.

– Да как ты смеешь! – подбежал к нему подполковник, выхватывая пистолет. – Вы у меня завтра все в штрафбат пойдёте, полумерки... Я ещё посмотрю, кто и чем вас тут ранил. Небось одни самострелы...

И тут в начале переправы кто-то истошно закричал:

– Воздух!

А буквально через несколько секунд бомбы уже были сброшены на переправу.

Виллис взрывной волной выбросило на реку, и он, пробив собою лед, стал быстро погружаться в воду.

В другой проруби, образовавшейся после взрыва ещё одной бомбы, уже плавали генерал и тот солдат, которого грозились отдать в штрафбат. Точнее, держался на плаву лишь

солдат, а вот генерал уже медленно погружался вслед за своей набухшей шинелью, и его при таком течении очень быстро могло унести под лед. И поэтому первым Георгий вытащил из воды комбрига, который, охолонувшись в ледяной воде, уже начал приходить в себя, а уж после – рядового. И положил их рядом.

Строгого подполковника нигде не было видно. Если честно, то рядом вообще не осталось ни одной живой души.

Георгий добрался до того места, где стояла их машина, и вскоре нашел свой полушубок. Благо что он был цел.

И вернулся к генералу, который уже открыл глаза.

– Это что же такое было? – тихо спросил очнувшийся генерал.

– По-православному это называется второе рождение, – ответил ему лежавший рядом солдат.

– Как это случилось?

– Бога вы недобрым словом помянули...

– Бога? Кто бы мне Его показал или сказал нечто такое, о чем я еще не знаю... Может быть, тогда я бы и поверил...

– Ну, тогда слушайте! Еще несколько минут назад вы, точнее сопровождающий вас полковник, грозились отправить меня в штрафной батальон. А потом был взрыв авиабомбы и нас взрывной волной отбрасывает в воду, где вы начинаете тонуть. И тот офицер, – он показал на Георгия, который в это время уже снял с себя мокрое белье и теперь выливал воду из валенок, – спас нам жизнь. А теперь ответьте для себя на

один вопрос: зачем ему нужно было, рискуя своей жизнью, вытаскивать вас из ледяной воды, если он точно знал, что после этого окажется в штрафбате? Плыли бы себе сейчас преспокойно и дальше...

Генерал какое-то время обдумывал услышанное. А потом вдруг сказал:

– А ведь меня в детстве батюшка наш сельский окрестил. Вот только крестика на мне нет...

Услышав эти слова, Георгий снял с себя отцовский крестик, подошел и повесил на генеральскую шею.

Генерал в этот момент почувствовал вдруг тихую радость, как в детстве, от обретения чего-то давно утерянного и вдруг неожиданно найденного вновь.

– Спасибо тебе, сынок, за жизнь, что мне сохранил. И за крестик, коим меня сегодня увенчал. Самого-то как звать?

– Лейтенант Георгий Государев из рода Государевых... А если про жизнь, то вам ее как раз Бог и сохранил. Знать, нужна еще ваша жизнь родному Отечеству...

– Пока жив буду, не забуду этот день и тебя, Георгий Государев из рода Государевых...

А Государев, прикрыв генерала своим полушубком, стал разводить костер, хотя вокруг и без него все пылало ярким пламенем. Подтянул ближе к огню и солдата, которого вытаскил из воды. Тут же развесил сушиться обмундирование и, разыскав лопату, стал углублять большую воронку, что образовалась от взрыва при дороге, в которой собирался похо-

ронить боевых товарищей.

В одних трусах и валенках, но уже в поте лица, трудился, вгрызаясь в мерзлую землю.

В этот момент к горячей переправе подъехала, видимо, отставшая от виллиса машина сопровождения с группой вооруженных людей. Старшие офицеры быстро отыскивали комбрига и, не сказав ни слова тому, кто все еще усердно вгрызался в землю, погрузили генерала в машину и быстро увезли...

Зимний день уже подходил к концу, когда Георгий начал подтаскивать трупы бойцов и опускать в ту самую воронку, предварительно разыскивая документы погибших, если таковые при них имелись.

После этого подошел к незнакомому бородатому солдату, которого вытащил из воды вслед за генералом, тот открыл глаза.

– Живой... – обрадованно сказал Георгий.

– Время мое еще не пришло, хотя понимаю, что совсем недолго мне жить на земле осталось, – ответил ему солдат.

– Ну так поживи еще, солдат. Ангела тебе хранителя.

– Так ты и есть мой ангел-хранитель. Не случайно же нас эта переправа соединила...

– Ты о чем? – удивился Георгий.

– Мы ведь теперь вроде как братьями стали. Породнил нас с тобой Господь!

– Чем же породнил?

– Какое сегодня число, лейтенант?

– 19 января...

– Правильно! День Богоявления... Или Крещения, как в народе говорят. Вот крещением нас и породнил...

– А ведь действительно, надо же такому случиться.

– Это уже не случай, лейтенант. Это Промысел Божий нас с тобой здесь свел и одной водной купелью повязал. Я, будучи в сане игумена, ушел на фронт вместе с сибирской дивизией и под Москвой начал свой первый бой. Слава Богу, что многие души удалось поддержать и укрепить в вере, в любви к Отечеству, на ратный подвиг подвигнуть, а скольких окрестить и в последний путь достойно проводить. А теперь вот Господь меня с тобой свел.

– Ну и что из всего этого следует?

– Послушай меня внимательно, лейтенант, так как жить мне осталось совсем немного. Как православному воину и как более старший даю тебе свое благословение, а как игумен – прошу исполнить последнюю волю умирающего монаха...

– Какова же будет ваша воля, святой отец?

– Послушание твое, Георгий, будет заключаться в том, что с этого дня и по всей твоей дальнейшей жизни, что отпущена тебе Господом, предстоит тебе теперь нести мой монашеский крест с именем святого Георгия Победоносца...

– Так я и сам Георгий...

– Ведаю, не перебивай. Данною мне Господом и Богом властью посвящаю тебя, воин Христов, в священный ангель-

ский чин игумена земли Русской.

С этими словами он с трудом расстегнул ворот своей гимнастерки и вытащил золотой крест с украшениями, а затем, сняв его с себя, поцеловал и надел уже на шею лейтенанта, удостоив его, таким образом, права ношения на себе этой святыни.

Георгий замер, еще не веря в то, что это происходит с ним, и в то, что это вообще происходит.

А игумен продолжал:

– Мы с тобой одного сложения и роста. Возьмешь мои документы, а после выздоровления, когда тебя комиссуют, поедешь в Иркутск...

– У меня рана-то пустяковая. И не болит вовсе. Кто же меня во время войны комиссует?

– У тебя, лейтенант, пуля под сердцем. По всем правилам медицинской науки ты должен был быть уже давно захоронен, а ты, вот видишь, еще и разговоры умные ведешь. Ну так слушай и не перебивай. В 160 километрах от Иркутска, в уединенном месте, есть хутор Приют... – С этими словами он достает и передает Георгию свои документы. – Здесь же вместе с документами найдешь карту тех мест и крестик, отмечающий место еще до войны обнаруженного мною бесценного клада. Тебе предстоит распорядиться им по совести, помогая восстанавливать храмы и целить людские сердца.

– Да какой же я монах, если всю жизнь мечтал быть клоуном...

– Настоящий клоун – это тот же монах, что несет людям целительную для их натруженных сердец радость и надежду. Во время смуты и войны это бесценный дар. К тому же у тебя любящее сердце и открытый взгляд, ты внимателен к людям и умеешь отличить правду от наносной лжи. А начнешь с восстановления Заумчинского монастыря. Золотые монеты будешь обменивать на лес и камень; на деньги, что получишь за проданные украшения, сошьешь облачение для алтаря и одежду братьям. Кормите каждого, кто переступит порог монастырский, и проявляйте к ним внимание и заботу. Этим людей тебе Сам Господь будет посылать... Не забывай: гость в дом – Бог в дом. А уж дальше Господь тебе Сам укажет, кому и на что выделять эти несметные сокровища.

– Я и слов-то ваших не понимаю, хотя в церкви все детство провел. Наш спецприемник в храме размещался. А о том, что крещен был в детстве, так сам только перед войной узнал...

– Первые ученики Христовы простыми рыбаками были, а весь мир их слушал. Не беспокойся за слова и не думай, что будешь говорить. Доверься Господу, а все остальное приложится...

– Да как я жить-то по двум документам буду? – снова озадачился лейтенант.

– Как я понимаю, ты в данный момент и вовсе остался без документов...

– Не может быть... – Георгий обернулся на ту сторону, где

только что лежал генерал. И ведь действительно, вместе с генералом забрали и его полушубок со всеми документами...

Игумен улыбнулся.

– Да и не генерал это вовсе. Но фамилию его лучше вслух не произносить. Дай Бог ему здоровья. Уж не ведаю, какими судьбами он здесь оказался, но в одну купель вместе с нами его Господь окунул... Это добрый знак. И еще! Думается мне, что эта нечаянная встреча еще обернется для тебя такой же нечаянной радостью уже в твоей будущей жизни... А теперь прощай, дорогой мой клоун. Сделай последнее усилие, опусти меня к братьям в общую могилу. А за упокой наших душ я еще с утра помолился...

– Но ты же ещё...

– Опускай. Пора.

И прежде чем навсегда закрыл глаза, одарил Георгия таким трогающим душу взглядом, что отпечатался тот взгляд в сердце клоуна на всю оставшуюся жизнь. Белого клоуна, которому теперь предстояло надеть черную монашескую мантию...

В военном госпитале Георгий обзавелся красивой бородой. И она ему нравилась. Врачи не особенно и настаивали на том, чтобы он ее сбривал, понимая, что жить солдату осталось совсем немного. Когда его все-таки довели до областного госпиталя, то рентгеновские снимки показали, что немецкая пуля действительно своим краем чуть не заде-

ла сердце солдата. И по всем правилам медицинской науки солдат давно «был более мертв, чем жив»... – но это уже из сказки о консилиуме вокруг Буратино...

На этом же снимке местными хирургами было обнаружено, что вокруг самой пули образовался некий жировой пласт или нарост в виде кокона, в котором пуля уютно себя чувствовала. Таким образом, без хирургического вмешательства сам организм раненого лейтенанта, пока его везли до госпиталя, справился с опасностью и сохранял жизнь Георгия. Главный врач больницы связался со своими товарищами – фронтовыми хирургами, и после обсуждения они решили не вторгаться в чужую плоть со скальпелем, дабы не разрушить того, что сделала за них сама природа.

Георгию сказали о пуле, которая останется в его сердце как напоминание о войне. И при этом намекнули на то, что не могут ничего гарантировать и в любой момент... А потому просили его поменьше беспокоиться и беречь свое сердце.

Но лейтенант, а теперь по новым документам – рядовой Георгий Любомудров, хорошо понимал, что это напоминание более о том тезке игумене, о взятом послушании нести на себе его крест. И еще что заметил Георгий, когда по каким-то вопросам общался с ранеными бойцами: если боец должен был идти на поправку, то его сердце было спокойным. А если солдату суждено было в ближайшее время умереть, то сама пуля начинала проявлять некое беспокойство,

которое отзывалось резкой болью в сердце.

Когда это произошло в первый раз, Георгий не понял этого подаваемого ему знака. И только утром следующего дня узнал, что солдат ночью умер... А когда смерть забрала еще две жизни при аналогичных обстоятельствах, а пуля исколола в ночи всю душу, то тут он все про себя понял и даже плакал в ночи, что не смог выполнить данного ему послушания и три души отошли в мир иной без покаяния.

Утром следующего дня, перекрестившись и с молитвой на устах: «Господи, помоги!», он стал обходить палаты тяжело-раненых бойцов.

О, как затрепетало сердце, отозвавшись на эту готовность Георгия к спасению душ своих братьев и товарищей по оружию! Весь день, даже не заходя в свою палату и не прикасаясь к пище, он подсаживался к тем, на чьих лицах уже была маска неминуемой смерти. И беседовал, расспрашивая о доме, о родных и близких, о детях. А потом, выпросив бумагу и карандаш, стал записывать адреса отходящих в мир иной, обещая написать... И лишь после этого тактично подводил к разговору о Боге, о вере, о покаянии...

И вот, что любопытно, стоило лишь Георгию вслух произнести слово о Спасителе, как лица умирающих солдат оживали, в глазах появлялась несказанная радость и душа расцветала в несказанной, но памятной сызмальства любви к Творцу, а искупительные слезы покаяния сами наворачивались на их глазах. И еще Георгий почти каждый раз отчет-

ливо слышал, как их губы сами начинали шептать знакомые слова: «Господи, помилуй меня, грешного!»

Врачи, а более сестры, стали замечать, что появление Георгия в той или иной палате часто было связано с последующей смертью того, с кем солдат начинал беседовать.

И вскоре главный хирург больницы попросил, чтобы раненого рядового Любомудрова привели к нему в кабинет.

– Товарищ полковник, рядовой...

– Садись, солдат. И давай как на духу. Почему после общения с тобой умирают даже те, кто уже шел на поправку? Люди стали бояться, когда ты мимо их палат проходишь. Какой такой магией ты владеешь?

– Недавно у меня на руках умер монах, священник...

– Ну, только не начинай про переселение душ...

– Хорошо, тогда давайте подойдем с другой стороны. У вас же есть списки больных. Дайте мне их, пожалуйста.

– Фокусы показывать будешь? Ну, давай посмотрим...

И раскрыв папку, что лежала у него на столе, передал Георгию несколько отпечатанных на машинке листов.

– И карандаш, пожалуйста...

Военврач дал и карандаш.

– А теперь, с вашего позволения, я сделаю здесь некие приписки у тех, кто может умереть в ближайшее время... Эти списки будут у вас, а я в эти дни постараюсь не выходить из своей палаты... – сказал и задумался. – А впрочем, сделаем иначе. – И склонившись над столом, начал делать

какие-то записи около каждой фамилии.

Главный хирург за это время успел выкурить папироску и выпить стакан чаю...

И Георгий вернул ему его же бумаги со своими поправками.

Главный хирург лишь бросил беглый взгляд на его записи. А потом надел очки и уже более внимательно стал вчитываться в пометки, сделанные Георгием. Там рядом с каждой фамилией стояли отметки о характере ранения, дополнительные записи о тех болезнях, что требуют оперативного хирургического вмешательства, и, конечно же, крестиками были отмечены те, кто не выживет в ближайшее время...

Хирург снял очки. И откинулся в своем кресле.

– Тебе же, сынок, цены нет... – произнес он, глядя на своего пациента.

– Если бы вы меня сегодня не спросили, то я бы и не знал, что владею этими знаниями. Это всё не иначе как по молитвам умершего у меня на руках монаха.

Тогда хирург вдруг процитировал следующие строки:

– Не нам, не нам, а имени Твоему, Господи!

После чего хирург, внимательно посмотрев в глаза солдата-монаха, спросил:

– Скажи, солдат, как на духу, сколько мне осталось жить?

Георгий, спокойно выдержав его взгляд, твердо ответил:

– Два года... А уточнять не стану...

– Слава Тебе, Господи, и за этот дар... Значит, кое-что

успею в этой жизни еще сделать...

– Но и это лечится молитвой и постом...

– Спасибо тебе, солдат! Ступай с Богом, а мне нужно еще о многом подумать...

Когда Георгий покидал госпиталь, то все, кто мог и даже не мог, прильнули к окнам. Весь медицинский персонал вышел проводить того, кто укрепил в них веру в завтрашний день и любовь к жизни, поддержал дух и помог изнемогающему телу.

Георгий стоял и чувствовал то, что они все хотят от него услышать.

И громко крикнул:

– Скоро! Ровно через год! Ибо с нами – Бог!

И вдруг, неожиданно для себя самого, осенил возликовавшую толпу широким крестом, благословляя их на новые подвиги во имя веры и родного Отечества.

И еще какое-то время с удивлением смотрел на свою ладонь, на то, как ладно и сами собою сложились по-церковному его пальцы в момент этого самого благословения.

И потом вдруг смутился и прижал эту ладонь к груди, дав ей прикоснуться и почувствовать игуменский крест, что был у него на груди...

А потом шел и плакал от радости соприкосновения с этими удивительными людьми, не щадящими себя и давно работающими в этом госпитале на втором дыхании...

До хутора Приют он добрался уже в июне 1944 года. В рубленной келье монах нашел добротное, словно для него сшитое облачение и книги – наставления о монашеской жизни и монастырском укладе. И несколько дней провел, словно в затворе, в чтении и привыкая к новому для себя образу.

Лишь после этого вышел к указанному месту, отмеченному крестиком, и просто обомлел. Между замшелыми валунами прямо на земле высотой чуть менее метра, а в диаметре не менее двух лежало то, что в книжках называлось воистину несметным сокровищем: золотые монеты и украшения, драгоценные камни и церковная золотая утварь, нити жемчуга и россыпями крупные алмазы, – все это периодически омывавшееся дождями и согреваемое солнцем просто так лежало на открытом месте, и его до сих пор никто не обнаружил. Непостижимо! Непонятно! Странно! Просто невозможно, но факт оставался фактом, хотя Георгий шутя и произнес классическую магическую фразу из любимой сказки: «Сезам, откройся!»

Несколько дней спустя в Иркутске к соборному храму, теперь уже в монашеской мантии и в клобуке, шел памятный и любимый в народе с довоенных лет игумен Георгий.

– Гляди, Анфиса, неужто молитвенник наш идет? – увидев монаха, сказала старушка Никодимиха. – Почитай уже более трех лет, как он на фронт ушел.

– И верно... – согласилась с ней соседка Анфиса, что была помоложе и поглазастее. – Такой мужик, а живет один... – тут запричитала вдовая Анфиса, что вот уже с год, как получила похоронку на своего мужа.

– Ты рот на него хоть не разевай, грех-то какой о монахе худо думать...

– Почему худое, я как раз хорошее думаю... Вот к кому бы ночью прижаться, вот от кого детишек бы заиметь да жить в любви и согласии...

– Запричитала, дуреха. Ты лучше до храма дойди да на колени упроси Господа, авось и пошлет тебе кого достойного...

– Просила! Не дает!

– Значит, не то просила да не о том на молитве думала. Уж я-то тебя с детства знаю. Скольким ты парням голову-то вскружила... А монаха тебе не дам. И не думай об нем даже...

Встречные, измученные военной годиной люди останавливались, узнавали и с радостными лицами приветствовали его. Кто-то подходил под благословение.

– Батюшка, помолитесь за сына Игнатия, вот уже полгода как писем от него нет... – просила мать солдата Копылова.

– Жди, мать, и готовься к трудностям. Сынок твой в одном из госпиталей на юге страны находится. Ногу он на фронте потерял. Так что месяца через два, не ранее, но до дома дой-

дет...

– Так ты его видел?

– Нет, только слышал о твоём герое...

– Живой... И на том спасибо. Слава Тебе, Господи! – сказала, перекрестилась и довольная пошла к храму.

– Отец Георгий, как там, на фронте-то, скоро ли одолеем супостата? – спрашивал умудренный возрастом и сединами старик, если судить по выправке – бывший военный.

– Бежит он от нас, теряя на ходу людей и технику. Да и сам, поди, уже не рад, что на нашу землю сунулся...

– И я так понимаю, что недолго ему бежать осталось. Сколько километров до Берлина-то? Вот и думается мне, что при такой его прыти к началу следующей весны он лапки кверху уже сам поднимет...

Теперь уже пришла очередь улыбнуться Георгию.

– Живи, отец, чисть боевые ордена, тебе еще в них на Параде нашей Победы покрасоваться придется...

– Дело говоришь... Пора мундир сушить да чистить... А то старуха моя мне все не верит...

Но вот и соборный храм. Казалось, что весь город пришел сегодня на службу, которую совершал правящий архиерей.

Игумен Георгий вошел в храм и перекрестился. Знакомый запах ладана, треск церковных свечей, сладкоголосое пение хора закружили голову, нежно и бережно запеленали сердце, разбудили память далекого детства, о котором нака-

нуне войны напомнила Марфа.

И тут Георгий вдруг увидел себя месячного, опускаемого священником в купель. Даже не священником, а двумя ангелами небесными, что радовались, глядя на разумное дитя, а он им что-то лепетал, и они все весело смеялись, каждый раз после очередного погружения, что совершалось в тот миг в Таинстве крещения во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...

Рядом стояли молодые мама и отец. Они были счастливы. Тут же радостная и раскрасневшаяся от волнения Марфа, что и приняла на свои руки младенца, освященного благодатью Святого Духа и нареченного во имя святого великомученика Георгия Победоносца.

– Отец игумен... Вас владыка просит пройти в алтарь... – Эти слова молодого послушника заставили Георгия вернуться с небес на землю.

– Постой, не уходи... Куда идти-то?

Тот резво пошел, разрезая паству на два пласта. Игумен Георгий шел за ним.

Тут же, словно волны умиления, разбежались по храму возгласы искренней радости и народной любви оттого, что Господь сохранил и вернул им их любимого пастыря.

Георгий уже сориентировался, к каким входным дверям они направляются, и притормозил служку, успев схватить его за подрясник.

– Слушай, быстроногий, ты скажи, что мне сейчас следует делать, а то я после контузии ничего не помню...

– Ну вы даете, а как же служить-то будете? – нечаянно вырвалось у того.

– Еще сам не ведаю... Ну, так рассказывай. Только быстро, четко и по-военному.

В алтаре соборного храма в этот праздничный день было собрано все духовенство края: епископ, один старик-протоиерей да два еще молодых священника из раскаявшихся обновленцев.

Рядом с владыкой властно и словно бы на всю оставшуюся жизнь стояли два рослых и голосистых протодьякона. И пели-то они хорошо, да только на всякое церковное дело или какое важное решение было у них два прямо противоположных взгляда. И каждый, естественно, старался, чтобы его точка зрения возобладала. Но при этом службу они вели отменно, а иных нареканий за ними не числилось. Хотя...

Но да наш рассказ о другом. Но вот именно эта несогласица и определила судьбу нашего героя. Однако пусть все идет своим чередом...

Игумен Георгий вошел в алтарь и, как научил его служка, трижды перекрестившись, сначала опустился на колени пред престолом. А затем подошел под благословение к правящему епископу.

Владыка был уже в годах, зрением слабоват, но очки надевал, лишь когда брал в руки богослужебные книги. А потому образ демобилизованного по ранению игумена был для

него слегка размытым...

Владыка и братья уже причастились Святыми Дарами, и пришло время произносить традиционную проповедь.

– Собрат наш Георгий, – обратился к нему владыка. – Ты только что вернулся с полей войны, выйди, порадууй людей своим возвращением и молви народу назидательное пастырское слово...

Георгий склонил в послушании голову, и владыка его благословил. После чего направился было к выходу из алтаря. Но тут ему вновь помог все тот же послушник, вовремя подсказав, в какую дверь следует выходить, и уже далее проводил его до самой солеи и чуть ли не поставил, развернув лицом ко всему честному и верующему люду. А сам тут же удалился...

И тут наш Георгий увидел море устремленных на него человеческих глаз. И он вспомнил свой цирк, и арену, и любимых зрителей. Казалось бы, то же самое. Арена, люди... Вот только глаз своих зрителей он почему-то не мог вспомнить. И силился, да не смог. Зато глаза людей, стоявших сейчас перед ним в храме, проникали в самую душу. Они излучали неведомое ему ранее ощущение некой напояющей теплоты. Он вдруг увидел еле уловимые воздушные потоки, пропущенные не иначе как через их сердца, а затем исходящие уже из глубины глаз слепящими взор монаха золотыми нитями. И они, эти нитевые потоки, устремленные со всех сторон в его сторону, переплетаясь между собой, уже окутыва-

ли стоявшего на солее священника, словно младенца в колыбели, своей искренней любовью и устремлялись далее к кресту, который он высоко держал в своих руках. Крест и вбирал в себя эту единую, соборную, устремленную к Богу и освященную общей молитвой, все собой оживотворяющую силу человеческой любви. А уже затем делился ею же со всеми прихожанами, прикасающимися в своем поцелуе к кресту после совершения Божественной литургии, щедро раздавая каждому потребные и необходимые ему силы для свершения уже своих земных подвигов.

Так вот почему глаза воцерковленных людей светятся, а в других потаенный мрак. Вот, вероятно, отчего от одних глаз веет теплотой, а взгляд других людей своей холодностью убивает все живое вокруг.

Все это увидел и понял Георгий так, как будто кто-то раскрыл перед ним первую страничку великой и вечной книги христианских церковных таинств.

Игумен Георгий почувствовал эту любовь, которой щедро делились с ним люди, и это напомнило ему сказку из его детства о живой воде, дающей новую жизнь богатырю земли Русской перед его главным в жизни поединком с силами зла.

«Только что я скажу им в ответ? – стоял и думал Георгий. – Где найду те слова, что они ждут от меня и которым поверят эти стоящие передо мной люди, впитавшие веру в Бога сызмальства? Не ведаю. А потому и робею... Господи, помоги!»

И начал свою первую в жизни проповедь.

– Братья и сестры мои, – волнуясь, произнес отец Георгий начальные слова. – Я был там, где погибали мужья и отцы ваши. Поверьте мне, они умирали достойно, как герои. Вечная им память.

Почему же, спросите вы меня, Господь попустил эту жестокую и страшную войну? В трудную минуту, сидя в окопах, я часто задавал себе этот вопрос. И вот как бы я мог на него ответить... С народом нашим, как с героем из сказки о Снежной королеве, случилась беда. Миллионы крупинок разбитого кем-то зеркала по имени «зло» разлетелись по всему миру, попадая в глаза и старому и малому, сковывая наши сердца ледяным страхом. Всего лишь один кусочек льда... И мы вдруг разом просто забыли про Творца...

А в алтаре уже шла несогласица.

– Это не он! – утверждал протодьякон Николай.

– Как же не он, если всё при нем? – не соглашался с ним протодьякон Михаил.

– Вспомните, какими нравоучительными и книжными были его проповеди, – настаивал Николай.

– Да ты их никогда и не слушал, – парировал в ответ отец Михаил.

– Да успокойтесь же вы ради Бога, давайте сначала послушаем, что он говорит, – прервал их обоих архиерей.

Игумен Георгий продолжал:

– Жертвенность испокон веков была уделом людей силь-

ных. Но жертва жертве рознь. Когда успеха и награды ради жертвуют сотнями чужих солдатских жизней – это преступление. А когда воин прикрывает своей грудью друга – это подвиг. Когда ты жертвуешь ради ближнего половиной своего пайка – это благо. А если наворовал и хочешь повязать ближнего своим же грехом, предлагая ему часть ворованного, – это грех. Война всех нас закалила как металл. Да, била, да, ломала, калечила, выбивая сам дух из наших тел, а в результате придала новую, более стойкую форму и необходимые бойцовские качества. Она разрушила наши города, сожгла села. Но зато очертила перспективы нового строительства и сам смысл будущего существования. На своем пути война расставляла себе вехи, а теперь они же стали нашими ориентирами на пути к победе. И победа будет за нами.

Однажды в госпитале я услышал рассказ одного раненого солдата по имени Петр. Он вспоминал об одном жестоком бое, который стих только к вечеру. Вся ничейная полоса покрылась тогда телами убитых – и наших, и немцев. Бойцы отдыхали. Петр закурил, а его товарищ Иван Божков отошел было в сторону, а потом возвращается к нему и тихо говорит: «Петя, там женщина плачет...»

А Петр ему отвечает: откуда на поле боя женщине взяться?

Однако прислушался. Слышит, и вправду плачет женщина. Надели они каски на голову и вылезли на бруствер. Туман уже по земле стелется. А в тумане по ничейной стороне

в их направлении идет женщина. Наклоняется над убитыми и плачет...

Вылезли они тогда из окопа уже во весь рост, смотрят, и немецкие каски надо окопами торчат. Видно, и они тоже ту женщину видят и плач ее слышат.

«Она плакала так, – рассказывал Петр, – что в душе все у меня переворачивалось. А туман, словно саваном, укрывал всех погибших».

И тут Петр переходит в своем рассказе к самому главному. «Женщина та, – говорил он, – шла в темной и длинной одежде. Но уж больно высокая была. Раза в два выше обычной женщины. Дошла она до наших окопов. Остановилась. Плакать перестала и поклонилась в нашу сторону...»

– Пресвятая Богородица!.. – раздался вдруг чей-то женский голос в тишине.

– Сама Богородица в нашу сторону поклонилась! – уже волной пронеслось по рядам.

– Победа за нами будет! – радостно подхватили окончание рассказа священника православные люди, находящиеся в храме.

Когда они немного успокоились, отец Георгий продолжил:

– Главное же наше с вами оружие – это не пушки и патроны. Наша сила во всеосвящающей христианской любви. А потому любите друг друга и молитесь за ближних своих. Берегите немощных. Помогайте тем, кого война оставила без крова, не ожидая за это воздаяния. А главное – чаще и боль-

ше улыбайтесь. И победа обязательно будет за нами.

И вдруг сам улыбнулся.

Словно искорка прошла по рядам. Печаль уступила место радости. Тревога – надежде. Видя его детскую улыбку, огромные глаза, полные любви, люди буквально воскресали на глазах.

Он заканчивал свою проповедь словами:

– Ниспосланное на нас тяжелое испытание и его очистительный огонь, понесенные жертвы помогли всем нам пробудиться от мертвого и греховного сна, полного лжи, которым столько лет были опутаны наши умы и сердца. Сегодня мы вновь вспомнили Отца, Который все эти годы терпеливо и с любовью ждал, когда же мы сделаем свой шаг ему навстречу. И вот теперь мы снова вместе...

– Какой-то он после ранения странный, на себя не похожий. Вы-то как считаете? – спросил обоих дьяконов владыка.

– После ранения многие блаженными становятся, – поддержал архиерея протодьякон Николай.

– А может, отослать его куда подальше, пусть на своем хуторе и дальше сидит? – то ли спросил, то ли предложил уже Михаил.

– Ссылать нельзя. Смотрите, как просто и доходчиво говорит он с народом. И они его понимают. Может, так и должно говорить с людьми в трудное время – на их же языке... А то, что он не от мира сего... Это даже для нас благо. Вот что

мы сделаем. В Заумчинском монастыре среди братии до сих пор спор идет, все никак настоятеля себе не выберут. Вот и направим к ним настоятелем игумена Георгия.

И все согласно закивали головами.

После окончания службы, уже на крыльце храма, большая толпа прихожан все никак не хотела отпускать от себя отца Георгия.

Когда люди разошлись, то к нему подошел уже знакомый послушник.

– Спасибо тебе, что выручил меня сегодня... – сказал ему Георгий, протянув руку.

– А вы насчет контузии пошутили, да?

– Нет! Я действительно ничего не помню ни в службе, ни в церковной жизни...

– Кстати, я невольно услышал разговор владыки. Вас хотят сделать настоятелем Заумчинского монастыря... Возьмите меня с собой, я вам еще пригожусь.

– Тебя не Коньком-Горбунком, случайно, зовут? Из какой ты сказки?

– Вот и вы смеетесь...

– Это я любя. Книги читаешь?

– По-церковному?

– Да нет, я про сказки...

– Люди добрые в детстве рассказывали...

– Ну, тогда мы с тобой непременно подружимся...

И парень расцвел от счастья.

– Так, может быть, все-таки скажешь, как тебя зовут?

– Фома...

– Вот и познакомились. А теперь, Фома ты наш неверующий, показывай мне город. Нам нужно найти гостиницу, модельную парикмахерскую и магазин одежды. И рот-то закрой... Но сначала в гостиницу.

Гостиница «Иртыш» была самой крупной и единственной на весь город работающей гостиницей, и жизнь в ней, несмотря на военное время, очевидно, бурлила, так как игумен Георгий и Фома успели заметить на столике портье традиционную табличку со словами: «Свободных мест нет».

Увидев попа в полном облачении, спокойно входящего в его владения, да еще и с юношей, старший администратор, нимало не удивившись и зная вкусы и привычки людей самых разных сословий, решил сам устроить уют дорогих гостей.

– Слушаю вас? – начал он, показывая вниманием и готовностью выполнить любое требование приезжих.

– Нам бы номер на несколько дней...

– Понимаю!.. Желательно, конечно же, с ванной?

– А что, в городе есть горячая вода?

– В городе – нет, но у нас своя котельная, и каждый вечер вы можете...

– Пусть будет с ванной. Сколько стоит такой двухкомнатный номер?

– Вы хотели сказать – двухместный? У нас достаточно широкие кровати, и вы вполне... – выдавил из себя администратор.

– Вы меня, наверное, не расслышали, – оборвал его Георгий. – Сей юноша мне не сын и не любовник, если вы это имели в виду. Мне нужна отдельная комната для уединения и молитв... Если у вас нет номера с двумя отдельными комнатами, то это могут быть два одноместных номера рядом.

– А вот этого и нет! – уже начиная понимать, что промахнулся с гостем, ответил он.

– Чего – этого?

Тут администратор подвигает к нему табличку, поясняющую, что свободных номеров в гостинице вообще нет.

– Но ведь только что было...

– Я запомнил об одном важном заказе.

– Не боитесь с огнем шутить? – уже чуть суровее спросил его Георгий.

– Грозитесь нас поджечь? Попробуйте!

– Нет, всего лишь хочу уберечь вас от возможных последствий.

– Что вы имеете в виду?

– Вам срочно нужна операция... Вы знаете такое слово – перитонит?

Администратор изменился в лице и мелко закивал головой.

– Как давно вы испытываете внезапно появляющуюся

боль в нижней части живота? Внизу справа. Как от удара ножа...

– Уже два дня... Я сначала думал, что чем-то отравился...

– Срочно вызывайте скорую помощь... А сами пока что полежите на служебном диване.

Администратор послушно лег на диван, наказывая при этом появившемуся портье:

– Срочно звоните в скорую! У меня острый приступ аппендицита. И если диагноз подтвердится и меня увезут в больницу, человека в черном и юношу поселите в моем резервном номере на все время, что я буду находиться в больнице. Вы все поняли?

Тот кивнул головой.

– Ну так звоните же! – сказал и закрыл глаза.

Уже через несколько минут старшего администратора на носилках вынесли из гостиницы, и умчавшаяся тут же машина скорой помощи своей сиреной повелительно требовала, чтобы ей срочно уступали дорогу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.